

Романтический детектив

*Mary
Stewart*

THIS ROUGH MAGIC

Мэри Стюарт

ГРОЗНЫЕ ЧАРЫ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
С 11

Mary Stewart
THIS ROUGH MAGIC

Copyright © 1964 by Mary Stewart. First published
in the English language by Hodder and Stoughton Limited.
The author asserts the right to be identified as the author of the work.

Перевод с английского *М. Виноградовой*

Художественное оформление *В. Безкровного*

Стюарт М.
С 11 Грозные чары / Мэри Стюарт ; [пер. с англ. М. М. Виноградовой]. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с. — (Мэри Стюарт. Романтика, тайна, любовь).

ISBN 978-5-699-63376-0

Молодая актриса Люси Уоринг приехала погостить к сестре на уединенный остров в теплом южном море и случайно узнала, что по соседству живет ее кумир. Великолепный актер Джулиан Гейл внезапно покинул сцену два года назад. Его пребывание на острове окутано какой-то тайной, проникнуть в которую предстоит Люси. Неожиданно спокойствие мирного острова взрывается чередой ужасных событий. Страх, опасность и смерть — за всем этим стоит человек, для которого убийство не более чем игра.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Виноградова М., перевод на русский язык, 2007
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63376-0

Джону Аттенборо

Ты войди в сей чудный лес,
Коль посмеешь.
Будто зыблемый волной,
Ты в покое под листвою.
Сердце радостью полно,
В мире будь с любою тварью,
Коль сумеешь.
Лишь когда совсем темно,
Все вокруг теряет форму:
В кронах злобных взглядов блеск —
В страхе побледнеешь.
Ты войди в сей чудный лес,
Коль посмеешь.

*Джордж Мередит. Леса Уэстермейна
(Перевод А. Ротокли)*

— 1 —

Рассказ мой будет летописью целой —
Его нельзя за завтраком закончить...

У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1¹

— **А** если будет мальчик, — радостно прошебетала Филлида, — назовем его Просперо.

Я засмеялась.

— Бедный малыш, за какие грехи? Ну да, разумеется... Кто-то успел сказать тебе, что Корфу — это шекспировский волшебный остров из «Бури»?

¹ Здесь и далее все цитаты из пьесы У. Шекспира «Буря» даны в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

— Вообще-то да, как раз на днях, но, ради бога, не расспрашивай меня об этом сейчас. Не знаю, к чему ты там привыкла, а я накладываю вето на Шекспира за завтраком. — Сестра зевнула, вытянула ногу в пятно солнечного света на краю террасы и полюбовалась дорогой пляжной сандалией. — Все равно я не то имела в виду, просто хотела сказать, что у нас тут уже есть Миранда и Спиро, а Спиро, быть может, и не уменьшительное от Просперо, но звучит очень похоже.

— Правда? Как романтично. А кто они?

— Из местных. Брат и сестра, близнецы.

— Боже праведный. Должно быть, их папочка питал склонность к литературе?

Филлида улыбнулась.

— Можно сказать и так.

Выражение ее лица пробудило во мне любопытство, но что-то подсказало, что она на то и рассчитывала, поэтому — ведь я, если постараюсь, ничуть не уступлю Филлиде во вредности — я только и сказала:

— Что ж, может, лучше по-другому? Почему бы тебе не назвать своего будущего отпрыска Калибаном? Самое подходящее имечко.

— Почему? — возмущенно запротестовала она.

— «Колдунью синеглазую с ребенком здесь моряки оставили», — процитировала я. — А кофе еще остался?

— Само собой. Вот. Ах, боже ты мой, Люси, как же хорошо, что ты здесь! Наверное, мне не следует называть удачей то, что ты оказалась сейчас свободна и смогла приехать сюда, но до чего же я этому рада. После Рима тут просто рай.

— А после Лондона — седьмое небо. Я уже чувствую себя другим человеком. Как вспомнишь, где я была в это время вчера... а уж как вспомнишь про дождь...

Вздрыгнув, я откинулась на спинку кресла и отпила кофе, глядя поверх золотистого пушка сосновых верхушек на сверкающее море и потихоньку погружаясь в ту беззаботную дрему, что всегда отмечает начало каникул в таком месте, как это, особенно когда ты устал и только что перенесся за одну ночь из апрельского холода Англии под солнце волшебного острова в Ионическом море.

Должно быть, следует объяснить (для тех, кому не так повезло, как мне), что Корфу — это остров близ западного побережья Греции, длинный полумесяц, уютно устроившийся вдоль изгиба берега. На севере, там, где остров ближе всего подходит к матерiku, всего лишь две мили до Албании, но от главного города, Корфу, лежащего примерно на полпути вниз по внутренней стороне полумесяца, до побережья Греции целых семь или восемь миль. Северная часть острова, широкая и покрытая горами, постепенно понижается, переходя чередой плодородных долин и все более пологих и низких холмов в длинный плоский хвост южной части, благодаря которой, как принято считать, остров и получил свое название Корфу, или Керкира.

Дом моей сестры стоит примерно в двенадцати милях от города Корфу, там, где берег начинает изгибаться к матерiku, а подножие горы Пантократор обеспечивает заслон от ветров клочку плодородной земли, который

вот уже много лет является собственностью семьи мужа Филлиды.

Моя сестра на три года старше меня. В двадцать лет она вышла замуж за римского банкира Леонардо Форли. Его предки обосновались на Корфу в период оккупации этого острова венецианцами и во время всех последующих «оккупаций» каким-то чудом, подобно пресловутому викарию из Брея¹, умудрились не только сохранить свое маленькое имение в целостности и сохранности, но даже и процветать.

При Британском протекторате прадедушка Лео выстроил среди лесов над укромной бухтой, там, где поместье выходит к морю, пышный и романтический замок — Кастелло деи Фьори. Он разбил там виноградники и насадил апельсиновые деревья, включая и небольшую плантацию (если тут уместно употребить это слово) карликовых японских апельсинов, благодаря которым поместье Форли стало знаменитым. Он даже расчистил среди леса площадку для сада и построил — за мыском с южной оконечности бухты, вне видимости из Кастелло — пристань и огромный элинг, где (если послушать Филлиду) вполне мог бы поместиться весь Шестой флот и где действительно размещалось некогда множество яхт, на которых к прадеду Форли приезжали гости. В его дни, сдаётся мне, жизнь в Кастелло представляла собой один нескончаемый праздник: летом ходили под

¹ Викарий из Брея — полулегендарный викарий XVI века, четыре раза менявший религию и бывший два раза католиком и два раза протестантом.

парусом просто так и на рыбалку, а по осени устраивались охоты, когда более тридцати гостей наводняли греческое и албанское побережье, чтобы всласть пострелять птиц и горных козлов.

Но те дни окончились с началом Первой мировой войны, и семейство переехало в Рим, хотя и не стало продавать Каstellо, которое в двадцатые и тридцатые годы служило им летней резиденцией. Финансовые крахи Второй мировой почти уничтожили поместье, но в послевоенном Риме Форли вновь всплыли на поверхность, чудесным образом восстановив утраченное состояние, и тогда Форли-старший, отец Лео, вновь обратил внимание на оставшуюся на Корфу собственность и начал работы по восстановлению имения. Однако три года назад он умер, а его сын решил, что потерянная и выцветшая роскошь Каstellо не для него, и выстроил пару небольших современных вилл, в точности похожих друг на друга, на двух мысах, огораживающих бухту, к центру которой выходило Каstellо. Сами Лео с Филлидой поселились на вилле Форли, как называли домик на северном мысе; парная же вилла, вилла Рота, стояла с южной стороны, над узким заливчиком, где располагался элинг. Виллу Рота снимал какой-то англичанин, мистер Мэннинг, который с прошлой осени работал тут над своей книгой. («Тебе знакомы книги такого рода, — сказала Филлида. — Сплошные фотографии и несколько строчек текста крупным шрифтом, но они по-настоящему хороши!») Все три дома были соединены с главной подъездной аллеей, выведившей на большую

дорогу, и от каждого вдобавок отходили отдельные тропинки к лесу и вниз, в бухту.

В этом году весна в Риме выдалась жаркой, а лето обещали и того хуже, и Форли пришлось выехать на Корфу раньше обычного. Филлида была беременна и плохо переносила жару, поэтому ее уговорили оставить двух старших детей (у которых еще не кончились занятия в школе) с бабушкой, и Лео отвез ее сюда за несколько дней до моего приезда, однако сам был вынужден вернуться в Рим, пообещав, когда сможет, прилетать на выходные. Так что, услышав, что я временно осталась не у дел, сестра написала мне, предлагая составить ей компанию на Корфу.

Приглашение не могло бы прийти в более подходящее время. Пьеса, в которой я играла, как раз сошла со сцены всего после нескольких представлений, да и то данных лишь для того, чтобы спасти лицо, и я осталась без работы. А то, что эта работа была для меня первой большой ролью в Лондоне, так сказать, великим шансом, немало способствовало моей нынешней депрессии. На руках больше не оставалось решительно никаких карт: театральные агентства разговаривали со мной вежливо, но уклончиво, а кроме того, зима была просто жуткой, и я до предела устала, пала духом и всерьез задумалась, в двадцать пять-то лет, не свалится ли я дурака, вопреки всем мудрым советам настояв на том, чтобы избрать себе сценическую карьеру. Но, как известно всякому, кто с этим сталкивался, сцена — это не профессия, а вирус, и я его подцепила. Вот я и работала, пробивая себе дорогу сквозь обычные превратности

судьбы начинающей актрисы, вплоть до прошлого года, когда окончательно решила после трех лет ангажемента ведущей молодой актрисы в провинциальной труппе, что пора попробовать удачи в Лондоне. И казалось, удача наконец-то мне улыбнулась. После десяти с небольшим месяцев телевизионных массовок и всяких рекламных пустячков я получила многообещающую роль — и все для того только, чтобы пьеса пала подо мной, точно издыхающий верблюд, не прожив и двух месяцев.

Но я, по крайней мере, могла считать себя счастливее остальных нескольких тысяч, все еще с боями прокладывающих себе дорогу к вершине: в то время как они задыхались в душных приемных различных агентств, я сидела на террасе виллы Форли с перспективой провести под слепящим солнцем Корфу столько недель, сколько захочу или смогу вынести.

Дальний конец широкой, выложенной плиткой террасы нависал над пропастью, где покрытые лесом утесы отвесно обрывались к морю. Под балюстрадой громоздились друг на друга расплывчатые облачка — кроны сосен, утреннее солнце уже успело наполнить воздух их теплым пряным ароматом. В другую сторону за домом уходил склон, поросший прохладным лесом, под сводами которого порхали и щебетали мелкие пташки. Бухту Каstellо скрывала завеса деревьев, но вид впереди был чудесен — безмятежный простор сияющего под солнцем пролива, что лежит в изгибе Корфу. А к северу, за полосой темно-синей воды, угрюмо маячили бесплотные, точно туман, призрачные снега Албании.

Это было само воплощение глубочайшего и зачарованного покоя. Ни звука, кроме пения птиц, а кругом ничего, кроме деревьев, неба и залитого солнцем моря.

Я вздохнула.

— Ну, если это и не волшебный остров Просперо, то должен им быть... Так кто там эти твои романтические двойняшки?

— Спиро и Миранда? О, это дети Марии, женщины, которая у нас работает. Она живет в том домике возле главных ворот Каstellо — да ты его видела вчера вечером по дороге из аэропорта.

— Помню, там горел свет... Крохотный уголок, верно? Так, значит, они жители Корфу — как это сказать? Корфусианцы?

Филлида засмеялась.

— Балда. Корфиоты. Да, они крестьяне-корфиоты. Брат работает у Годфри Мэннинга на вилле Рота. А Миранда помогает матери здесь, по дому.

— Крестьяне? — Слегка заинтересовавшись, я пошла у нее на поводу и перестала изображать равнодушие. — Странновато слышать тут подобные имена. Кем тогда был этот их начитанный отец? Лео?

— Лео, насколько мне известно, — отозвалась любящая жена, — последние восемь лет не читал ничего, кроме римских «Финансовых новостей». Он бы решил, что «Просперо и Миранда» — название какого-нибудь инвестиционного фонда. Нет, все еще необычной, чем ты думаешь, любовь моя...

Она удостоила меня довольной улыбки кошки перед канарейкой, — улыбки, которую я расценила как пре-

людию к какой-нибудь очередной, притянутой за уши сплетне из разряда «занятных фактиков, которые наверняка тебя заинтересуют».

— Строго говоря, на самом деле Спиро назван по имени святого покровителя этого острова — на Корфу каждого второго мальчика зовут Спиридионом, — но поскольку за крещение, ну, само собой, и за близнецов тоже, был ответствен наш выдающийся арендатор, то готова ручаться, в приходском свидетельстве мальчик записан как Просперо.

— Ваш «выдающийся арендатор»?

Очевидно, это и был *bonne bouche*¹, который Филлида приберегала для меня, но я взглянула на нее с некоторым удивлением, припоминая яркие краски, которыми она как-то описывала мне Кастелло деи Фьори: «отсыревшее и обветшавшее так, что словами и не скажешь, вроде вагнеровской готики, что-то наподобие музыкальной версии «Дракулы». Интересно, кого смогли убедить выложить денежки за эти оперные чудеса?

— Так, значит, кто-то арендовал Вальгаллу? Вам здорово повезло. А кто именно?

— Джулиан Гейл.

— Джулиан Гейл?! — Я резко выпрямилась и уставилась на сестру. — Ты ведь не имеешь в виду... неужели ты говоришь о Джулиане Гейле? Актере?

— О нем самом.

Сестра сидела с довольным видом. Похоже, моя реакция ей польстила. Я же полностью очнулась от полу-

¹ Лакомый кусочек (*фр.*).